

А. Н. ТОЛСТОЙ — АКАДЕМИК АН СССР

А. М. Крюкова

Отмечая огромный вклад Толстого в духовную культуру социалистического общества, мы неизменно обращаем внимание на многогранность дарования писателя, выразившуюся не только в его художественном творчестве, но и в общественной и научной деятельности. Эти грани творческой личности Толстого предстают перед нами как органическое и закономерное проявление его таланта — в этом можно убедиться, обратившись и к многочисленным автобиографиям писателя, в которых в одном, равнозначном ряду, как важнейшие вехи жизни и творчества, выступают и его идейно-творческие искания, и общественно-научная деятельность, и работа в качестве депутата Верховного Совета СССР, и участие в Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на нашей земле в годы Великой Отечественной войны ...

Избрание Толстого действительным членом Академии наук СССР стало достойным итогом творческой жизни писателя. В «Заключении экспертной комиссии по Отделению литературы и языка АН СССР» говорилось: «Алексей Николаевич Толстой является

одним из крупнейших писателей и деятелей советской культуры. Около тридцати лет он работает в передовых рядах русской литературы. Его перу принадлежат произведения большой художественной и социальной значимости, снискавшие ему любовь и признательность советского народа и передовой интеллигенции зарубежных стран»¹.

«Библиография трудов академика А. Н. Толстого», составленная им самим, включала в себя всего три строчки: «Собрание сочинений, тт. I—XV, ГИЗ—ГИХЛ, 1927—1931; Собрание сочинений, тт. I—XV, изд-во «Недра», 1929—1930; Собрание сочинений. Л., тт. I—VIII, Гослитиздат, 1934—1936»². Авторитет Толстого-писателя к тому времени был настолько велик и общепризнан, что к этим трем строчкам не требовалось, как говорится, никаких комментариев.

Вместе с тем немалую роль в избрании Толстого академиком сыграла и его общественная деятельность. В цитированном «Заключении экспертной комиссии» на это было обращено особое внимание: «Толстой — один из крупнейших деятелей советской культуры и науки. На целом ряде международных конгрессов он выступал с разоблачением фашистского мракобесия, которому противопоставлял гуманистическую устремленность социалистической культуры»³. И далее: «Он энергично участвует в деле создания марксистско-ленинской литературной науки. Его статьи по вопросам искусства и литературы свидетельствуют о широкой и серьезной осведомленности в истории русского и мирового искусства. В настоящее время он возглавляет работу по написанию учебника по литературе и выступает как инициатор издания сборников фольклора народов СССР»⁴.

В «Личном деле академика А. Н. Толстого» хранится его «Краткая автобиография», написанная специально для Ученого совета ИМЛН в октябре 1938 г. — в момент выдвижения его кандидатуры в действительные члены АН СССР⁵. Этому вполне официальному документу суждено было стать последней автобиографией Толстого, своего рода литературным завещанием⁶. Едва ли найдется среди документов Академии наук другой, столь же выразительный, написанный таким великолепным языком: «Там <на хуторе Сосновка> прошло мое детство. Сад. Пруды. Степная речка Чагра. Товарищи — деревенские ребята. Верховые лошади. Ковыльные степи, где лишь курганы нарушали однообразную линию горизонта... Смены времен года, как огромные и всегда новые события.

Все это, и в особенности то, что я рос один, развивало мою мечтательность...» (1, 52).

Кандидатура Толстого в действительные члены Академии наук СССР была выдвинута (одновременно с кандидатурой М. А. Шолохова) 13 сентября 1938 г. Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и 3 ноября того же года — Ученым советом Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР и была поддержана Физическим институтом АН СССР, Институтом генетики АН СССР, Ленинградским государ-

ственным университетом, Пушкинским обществом в Ленинграде, Московским государственным институтом истории, философии и литературы⁷. Избрание Толстого академиком состоялось 28 января 1939 г., а 29 февраля того же года он впервые выступил в этом звании на Общем собрании Академии наук, посвященном пересмотру плана работ Академии на 1939 г. «В прениях выступил А. Н. Толстой,— говорилось в газетном отчете,— с предложением организовать при Отделении языка и литературы Академии изучение и собирание фольклора»⁸.

По предложению Толстого Академия наук включила в план своих работ издание Свода фольклора, поручив писателю возглавить это издание. Позднее Президиум Академии утвердил его председателем Главной редакционной коллегии «Свода фольклора народов СССР»⁹.

Так началась работа Толстого в стенах Академии.

Несмотря на кратковременность этого периода (февраль 1939 — февраль 1945), он оказался одним из наиболее плодотворных в жизни писателя.

В довоенные годы Толстой, осуществляя задуманное ранее, вел большую работу по подготовке «Истории литературы народов СССР» и «Свода фольклора народов СССР». Об этих трудах хорошо известно в литературе; Толстой посвятил им ряд статей и выступлений.

Нетрудно видеть внутреннюю связь этих филологических разработок: замысел книги «История литературы народов СССР» не мог быть осуществлен без опоры на первооснову художественного мышления — устное народное творчество. Весьма симптоматичной, как показало дальнейшее развитие отечественной филологической науки, оказалась не только взаимосвязь замыслов, но и диалектика их воплощения в жизнь: расширение географии литературно-художественных и устно-поэтических явлений, становящихся объектом изучения, шло одновременно с проникновением исследовательской мысли в глубь истории и культуры народов, населяющих нашу страну. Толстой был и одним из первых советских ученых, исследовавших проблемы литературного развития народов и народностей СССР в широком контексте мирового литературного развития.

Книга «История литературы народов СССР» первоначально (в 1937 г.) мыслилась как учебник для средней школы; несколько позднее Толстой задумал превратить ее в «народную книгу»; в окончательном же варианте она должна была стать фундаментальным исследованием: «Новый учебник,— писал Толстой в 1939 г.,— должен дать историю литературы народов СССР, а не только русской литературы. Это не просто расширение тематики. Мы постараемся показать взаимодействие литератур братских народов и роль новой русской литературы как наиболее передовой и сильной в деле развития литератур народов СССР.

История литературы будет дана в нашем учебнике в связи с гражданской историей, в связи с общественным и культурным развитием <...>

Историю литературы народов СССР мы предполагаем излагать в связи с развитием мировой литературы. Задача заключается не в том, чтобы отыскивать всяческие «заимствования» и «элементы влияния». Надо показать реальные пути взаимовлияний, показать усвоение лучших достижений мировой культуры и литературы, т. е. усвоение творческое.

История литературы должна быть изложена в связи с историей культуры и искусства. Мы постараемся показать эпоху, в которой жили и действовали писатели, возникали и жили их произведения. Кроме того, мы попытаемся показать, как, помимо словесного творчества, народный гений проявлялся в зодчестве, в живописи, в музыке, в художественных ремеслах...» (10, 398).

Толстого занимала идея синтетического развития всех видов искусства, в определенные периоды достигавшего своей вершины. Подобные периоды он отмечал в развитии культур многих восточных народов, населяющих нашу страну, считая, однако, что для доказательства этого необходимо «выявить и опубликовать памятники философские, юридические, песенные, словесно-фольклорные и памятники материальной культуры»¹⁰. Такую масштабность приобретал замысел «Свода фольклора народов СССР», еще не до конца нами осознанный, еще ждущий своего воплощения.

Постановлением Президиума АН СССР от 2 июня 1939 г. Толстой был включен в состав редколлегии «Истории русской литературы» (в 4-х т.) и «Истории западной литературы», которые готовились в ИРЛИ. Несколько раньше он вошел в состав редколлегии «Истории советской литературы», работа над которой велась в ИМЛИ.

Известен отзыв писателя о III томе «Истории русской литературы», датированный январем 1940 г., в котором подробно анализируются статьи Г. О. Винокура, А. И. Белецкого и В. А. Десницкого. Смысл критических замечаний Толстого сводится к необходимости углубить литературоведческий анализ рассмотрением эпохи в целом. Именно на это он обращает внимание в статье Белецкого, посвященной русскому искусству XVII в. («единственно, чего хотелось бы: углубить причины чрезвычайно важного факта истории русского общества XVII в. — культурной отсталости и косности») ¹¹; статью Десницкого об искусстве и литературе России XVIII в. советует дополнить более полным и глубоким анализом противоречий петровской эпохи.

Отзыв Толстого, предназначавшийся для Отделения языка и литературы АН СССР, был направлен в ИРЛИ. А. Л. Дымшиц (заместитель директора Института) в ответном письме горячо благодарил писателя «от имени редактора III тома — профессора Г. А. Гуковского, от лица ... Института и от себя лично» за «ценный труд, проявленный при научном рецензировании ... рукописи, и за большую помощь», которую Толстой тем самым оказал ¹².

Активно работал Толстой и над томом «История советской литературы», предполагал написать вступительную статью к этому изданию ¹³. Сохранился машинописный текст тома, присланный

Толстому в январе 1939 г. академиком И. К. Лупполом, директором ИМЛИ, с просьбой еще раз «просмотреть его». Отзыв Толстого разыскать нам не удалось, но его пометки на полях позволяют судить о характере критических замечаний писателя. Приведем некоторые из них.

«Важнейшие традиции русской классической литературы,— говорилось во вступительной статье к тому,— традиции гуманизма, реализма, народности, разоблачения антигуманистической буржуазно-дворянской действительности, вера в торжество человеческого разума и справедливости». Против этих слов Толстой пометил: «А самобытность? Т. е. несмотря на „засилие“ Запада и ту позорную роль, которую играло царское правительство, поощряя колонизацию России европейским капиталом,— русская литература — утверждала величие русского народа, т. е. она играла прогрессивную роль, находясь в традиционной оппозиции к царскому правительству».

Далее авторы писали: «Важнейшие особенности стиля социалистического реализма: не схоластическое, мертвое изображение действительности, а (...) умение „заглянуть в наше завтра“, тенденциозность, партийность советской литературы». Толстой вносит поправку: «Тенденциозность предполагает примат темы над пластикой, относя последнюю к вспомогательным формам. Нужно найти другую формулировку»¹⁴.

Замечания Толстого свидетельствуют о его требовательном подходе к такой принципиально важной работе, как «История советской литературы». Во многих выступлениях 30-х годов он решительно восставал против вульгаризаторских методов исследования литературных явлений (как в 20-е годы — против проявлений формализма в литературе и литературоведении), против примитивных, схоластических представлений, тем более опасных и вредных, когда речь идет о советской литературе. Советская литература мыслилась Толстым в широком контексте мирового литературного развития. Важнейшая задача исследователей, считал он,— осознание ее творчески усвояемых связей с теми прогрессивными накоплениями, которых уже достиг мировой литературный процесс.

В работе Толстого над «Историей западной литературы» поражают прежде всего его фундаментальное знание предмета, незаурядная образованность и глубина его суждений, плодотворных и для современной научной мысли.

Сохранились материалы, рассказывающие о работе Толстого над первым полутомом «Истории немецкой литературы»: отзывы на статью В. М. Жирмунского и статьи Б. Я. Геймана о Клопштоке, Винкельмане и Виланде¹⁵. Так, недостаток статей Геймана Толстой видит в том, что творчество писателей рассматривается в них «без социальной атмосферы». «Эти статьи не дают нам ключа к пониманию данного отрезка истории германского народа,— пишет Толстой.— Для чего читателю запоминать уклоны и оттенки такого-то поэта, если дело ограничивается только этими уклонами и оттенками, направлениями, полемикой, признаниями или упадками

и т. д. За всем этим не видно самого главного — истории народа <...> И, наконец, говоря о Клопштоке и Виланде, — автор не говорит об их искусстве, т. е. о самом главном. Как писали Клопшток и Виланд? Звучание их поэзии, их жизни поэтов? — Об этом читатель здесь не прочтет. Если он добросовестный — он заучит наизусть мысли и выводы автора, и только. <...>

Статья «академична» и суха. Кроме того, как будто все достоинства Клопштока отнесены к его либерализму, тогда как тема борьбы за культуру своего народа, его патриотизм, очень характерный, его очень немецкий облик — все это не заострено.

История может и должна быть *актуальной* при всей объективности»¹⁶.

Мы не располагаем отзывом Толстого на этот труд в целом. Однако сохранились ответные письма В. М. Жирмунского, редактора издания, Толстому. Одно из них заслуживает особого внимания, так как вновь возвращает нас к литературной концепции писателя, сформулированной в его основных филологических работах тех лет — «Истории литературы народов СССР» и «Своде фольклора народов СССР». Поблагодарив писателя за то внимание, которое он уделил «Истории немецкой литературы», Жирмунский далее пишет: «Большинство Ваших замечаний я постараюсь, по мере возможности, учесть. <...> В одном, принципиально важном случае Вы подняли вопрос, который не так легко разрешить на страницах „Истории литературы“, поскольку он до сих пор очень мало разработан в науке, как нашей, так и западноевропейской. Я имею в виду вопрос о литературных связях Востока и Запада в средние века. <...> Моя точка зрения в основном сводится к признанию известного *параллелизма* литературного развития в одинаковых условиях развития общественного (арабская поэзия и лирика трубадуров, персидский романтический эпос и куртуазный рыцарский роман на Западе). Однако вопрос этот — дискуссионный, а в нашем изложении, которое имеет информационный и даже в известном смысле учебный характер, мы избегаем таких дискуссионных вопросов, где, при краткости изложения, пришлось бы ограничиться декларативным заявлением своей точки зрения. Во всяком случае, я постараюсь сделать то, что может быть сделано кратко, без особых дискуссий: приоткрыть некоторый горизонт на Восток»¹⁷.

Возможно, когда-нибудь будет написана книга о филологических работах Толстого, в которой его идея «Запад — Восток в мировом культурном развитии» займет особое место...

На конец 30-х годов приходится и огромная общественно-литературная деятельность писателя. Приведем фрагмент хроники его жизни:

«4 мая 1939 г. Толстой произносит вступительное слово на открытии Шевченковского пленума Союза писателей в зале заседаний Верховного Совета УССР (5 марта того же года в «Правде» была напечатана статья Толстого «Кобзарь» — к 125-летию со дня рождения замечательного украинского писателя).

10 мая 1939 г. От имени ССП, Комитета по делам искусств, Академии наук СССР Толстой открывает заседание в Москве, посвященное 50-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина.

6 сентября 1939 г. Толстой выступает с речью на торжественном вечере, посвященном 1000-летию великого армянского эпоса «Давид Сасунский».

15 октября 1939 г. Выступает с речью на торжественном заседании в Колонном зале Дома Союзов, посвященном 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова.

10 ноября 1939 г. Бюро Отделения истории и философии Академии наук СССР утвердило Толстого в составе Комиссии по истории русской культуры.

5 декабря 1939 г. Президиум Союза писателей СССР утвердил Толстого председателем юбилейного комитета по проведению празднования 100-летия со дня рождения выдающегося грузинского писателя Акакия Церетели.

21 января 1940 г. Толстой включен в состав Всесоюзного комитета по увековечиванию памяти М. Ю. Лермонтова в связи с исполняющимся в 1941 г. 100-летием со дня смерти поэта.

26 января 1940 г. По постановлению Президиума Академии наук СССР Толстой включен в состав комиссии по проведению 175-летия со дня смерти М. В. Ломоносова.

18 июня 1940 г. Толстой открыл торжественное заседание, посвященное памяти А. М. Горького, организованное Союзом писателей СССР, Академией наук СССР и Комитетом по делам искусств...»¹⁸.

Простой перечень дел Толстого-академика занял бы очень много места. Заметим, что с годами (и в период Великой Отечественной войны в особенности) масштаб его академической деятельности значительно возрос. Мы еще не упомянули о работе Толстого в составе Редакционного совета Словаря современного русского литературного языка, Государственной редакционной комиссии Полного академического собрания сочинений Л. Н. Толстого. Причем каждое из выступлений Толстого по конкретным литературным, общественным, научным вопросам носило отнюдь не формальный характер — предлагаемые им решения двигали научную мысль; некоторые из них до сих пор ждут научного осмысления и дальнейшей разработки.

Широко известна работа Толстого в годы Великой Отечественной войны: его страстные публицистические выступления вселяли веру в советских людей, помогали выстоять в жестокой схватке с врагом.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Толстой закончил последнюю часть своей знаменитой трилогии — роман «Хмурое утро».

А 29 июня 1941 г. в газете «Рабочий край» было напечатано обращение академиков АН СССР к ученым всех стран, подписанное и Толстым: «Все, кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы науки и гуманизма,

должны положить все силы на то, чтобы безумный и опасный враг был уничтожен...»

Приведем (с небольшими сокращениями) «Отчет А. Н. Толстого за время Великой Отечественной войны 1941—1943», представленный им в АН СССР:

«Написал драматическую повесть (в двух частях) „Иван Грозный“, состоящую из двух пьес: первая пьеса „Орел и орлица“ (в 11 картинах) принята к постановке и репетируется в Государственном академическом Малом театре, вторая — „Трудные годы“ (в 12 картинах) принята к постановке и репетируется в Московском Художественном академическом театре. <...>

Написал статьи и художественные очерки эпохи Великой Отечественной войны. Статьи: „Что мы защищаем“, „Армия героев“, „Кто такой Гитлер и чего он добивается“, „Блиц-криг, или блиц-крах“, „К писателям Северной Америки“, „Гордо реет советский флаг“, „Почему Гитлер должен потерпеть поражение“, „Я призываю к ненависти“ (всего перечислено 56 статей.— А. К.).

Художественные очерки: „Смельчаки“, „Таран“, „Рассказы Ивана Сударева“: „Ночью, в сених, на сене“, „Как это началось“, „Семеро чумазных“, „Нина“, „Странная история“, „Катя“, „Мать и дочь“.

Исторический очерк — „Откуда пошла Русская земля!“.

Выступал в Союзе писателей на творческо-критическом совещании об исторической теме в художественных произведениях, созданных за время Отечественной войны.

На сессии Академии наук в Свердловске, посвященной 25-й годовщине Великой Октябрьской революции, сделал доклад „Четверть века советской литературы“ и на совещании в Наркомпросе по вопросу о детской литературе — доклад „Книга для детей“.

Работал в Чрезвычайной государственной комиссии. Посетил места расследования фашистских злодеяний: Ставрополь, Минеральные Воды, Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Георгиевск, Нальчик, Краснодар, Харьков. Написал статьи о немецких зверствах: „Коричневый дурман“, „Я обвиняю“ — и о харьковском процессе: „Варвары“, „Палачи“, „Фашистские преступники“, „Возмездия!“.

Участвовал в Специальной комиссии при расследовании немецких преступлений в Катынском лесу.

Работал в Комитете по присуждению Сталинских премий. <...> Участвовал в работах Отделения литературы и языка Академии наук»¹⁹.

А в «Кратком отчете о деятельности академика А. Н. Толстого» за 1944 г. писатель дополнил перечень своих работ:

«1. Работа над третьей книгой романа „Петр Первый“. Закончены шесть глав — печатаются в журналах „Новый мир“ и „Звезда“ (Ленинград).

2. Авторская редакция 1 и 2 книг романа „Петр Первый“.

3. Рассказ „Русский характер“ — напечатан во всех газетах, в журнале „Октябрь“. <...>»

Сюда же он включил план работы на 1945 г.:

- «1. Закончить третью книгу романа „Петр Первый“.
2. Начать роман по материалам Отечественной войны.

21.XII.1944 г.»²⁰

Научную деятельность Толстой не оставлял и в годы войны. Впервые в своей творческой практике он делает попытку осмыслить весь пройденный советской литературой путь (в юбилейном докладе «Четверть века советской литературы») и настойчиво утверждает мысль о преемственности в ней лучших традиций отечественной классики, о необходимости развивать и обогащать их. Вместе с тем не все суждения и оценки, содержащиеся в докладе (и других выступлениях этого периода), выдержали испытание временем: Толстой, при всей свободе и широте научного мышления, разделял и заблуждения своего времени...

В письме группы советских ученых в Президиум Академии наук СССР от 6 ноября 1942 г., подписанном и Толстым, перед советской литературной наукой ставились новые задачи: «Во-первых, поворот к современности, во-вторых, пересмотр истории литературы под углом тех идей и факторов, которые выдвинула Отечественная война»²¹.

«Поворот к современности в литературной науке,— говорилось в письме,— должен выражаться <...> в большем размахе изучения опыта современной русской и особенно многонациональной литературы СССР и в постоянном введении в круг научного внимания опыта литературы Отечественной войны. <...>

В истории западных литератур также в большей степени должны быть отражены мотивы русского влияния в развитии мировой культуры.

Мы считаем необходимым придать гораздо больший размах славистике, изучению славянских литератур, особенно в их взаимоотношениях с русской.

Представляется необходимым более основательно и широко двинуть дело изучения литератур народов СССР во всем их языковом, национальном и стадильном разнообразии, в их многообразных связях с русской литературой.

Совершенно необходимо поднять нашу фольклористику <...> создать центр по изучению фольклора и особенно современного фольклора СССР, наладить продолжение записей и издание великих героических эпосов народов СССР (например, «Манаса», «Кер-Оглы», Нартовского эпоса и др.).

Наконец, необходимо развернуть изучение наследия М. Горького в тесной связи с научными и политическими задачами современности, а также продолжить капитальное издание его сочинений.

Выполнение всех этих задач, по нашему мнению, должно быть возложено на институты Академии наук СССР и в первую очередь на Институт мировой литературы им. А. М. Горького...».

Далее в письме указывались конкретные мероприятия, связанные с перестройкой работы ИМЛИ.

Обратим внимание на то, что многие из рекомендаций Толстого сохраняют свою силу и значение и сегодня.

Отчет о работе за 1944 г., составленный Толстым для Президиума АН СССР менее чем за два месяца до смерти, включал в себя, как уже говорилось, и план на 1945 г. Причем, если окончание романа «Петр Первый», названное в этом плане, судя по сохранившимся материалам, было в значительной степени писателю ясным, то роман «по материалам Отечественной войны», роман о современности, о Родине и великом народе должен был открыть новую страницу творческой биографии писателя. «Сейчас еще нет возможности определить место Алексея Толстого в литературе мировой. Но о мировом признании выдающегося русского писателя мы можем говорить с уверенностью», — было сказано в журнале «Вестник Академии наук СССР» сразу же после смерти Толстого²². Эта задача стоит перед нами до сих пор. Так же, как и задача осмысления многих творческих достижений писателя и его научных предвосхищений и открытий, в том числе.

¹ Личное дело академика А. Н. Толстого. — Архив АН СССР, ф. 411, оп. 3, ед. хр. 46, л. 3-4.

² Там же, л. 22.

³ Там же, л. 3-4.

⁴ Там же, л. 4.

⁵ Там же, л. 9-21.

⁶ После журнального варианта (Новый мир, 1943. № 1) эта автобиография была напечатана в качестве предисловия к последнему сборнику произведений писателя (Повести и рассказы. 1910-1943. М.: Сов. писатель, 1944); в дальнейшем входила во все собрания его сочинений.

⁷ Личное дело академика А. Н. Толстого, л. 32-38.

⁸ ЛГ, 1939, 1 марта.

⁹ См.: Правда, 1940, 4 дек.; Крестинский, с. 267-268.

¹⁰ Толстой А. Н. О новом переводе поэмы Руставели (1937 г.). — Лит. Грузия, 1965, № 6, с. 81.

¹¹ ИМЛИ, ф. 43, № 849, л. 3. Первоначальную редакцию отзыва Толстого на статью А. И. Белецкого см.: Лит. наследство, т. 74, с. 326.

¹² ИМЛИ, ф. 43, № 2182/4, л. 1.

¹³ Об этом сообщалось: ЛГ, 1939, 15 дек. См. также: Протокол заседания редакционной коллегии тома от 13 дек. 1939 г. — ИМЛИ, ф. 43, № 2197/3, л. 5.

¹⁴ ИМЛИ, ф. 43, № 2197/1.

¹⁵ Там же, № 851-852. Отзыв Толстого на статью В. М. Жирмунского см.: Крестинский, с. 268.

¹⁶ Там же, № 852, л. 1.

¹⁷ Там же, оп. 4, № 328, л. 1.

¹⁸ Фрагмент хроники приводится по материалам «Летописи жизни и творчества А. Н. Толстого», подготовленным Ю. А. Крестинским. — ИМЛИ, ф. 43, п. п.

¹⁹ См.: Отчет о работе Академии наук СССР за 1943 г.: Проект. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944; экземпляр (№ 143) с пометками Толстого — ИМЛИ, ф. 43, п. п.

²⁰ ИМЛИ, ф. 43, № 2146/1. Опубл.: Творчество А. Н. Толстого: Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1957, с. 210-211.

²¹ ИМЛИ, ф. 43, № 2145/11. Кроме Толстого, письмо подписали: К. Чуковский, В. Шипмарев, В. Жирмунский, Н. Пиксанов, Т. Мотылева, Н. Бродский, Б. Михайловский, В. Кирпотин, Д. Благой, А. Тихонов, И. Векслер.

²² Вестник Академии наук СССР, 1945, № 4, с. 104.